

Два босяка. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!

Два босяка. Максим Горький

В первый раз я их увидел в Севастополе. Из группы, человек в двадцать, «голодающих из России», явившихся к подрядчику-землекопу проситься на работы по выемке земли для какой-то канавы, резко выделялись две высокие худые фигуры, в которых с первого взгляда можно было узнать босяков и по костюмам, и по рисовке, и по той бесшабашной независимости, с которой они держались среди пришибленных голодающих, скучившихся на дворе подрядчика, сидевшего на резном крыльчке своего весёленького домика, кругом обсаженного тополями.

Сняв шапки, голодающие стояли понуро, говорили тихо и просительно, и из каждой складки их рваных армяков сияло печальное сознание беспомощности и той угнетённости духа, которая, подавляя человека, делает его каким-то деревянным автоматом, в одну секунду готовым подчиниться чужой воле.

С подрядчиком говорил низенький чернобородый мужик с жёлтым лицом и живыми, но подёрнутыми дымкой печали глазами.

Углы рта у него были опущены книзу, и к ним от переносья легли те две резкие морщины, которые придают такое характерное страдальческое и измождённое выражение лицам святых на иконах русской школы. Говорил он медленно и округлённо:

– Будь благодетелем, господин, возьми! Мы за всякую цену согласны, нам бы на кусок только, потому как больно уж мы ослабли животами!

Сзади его раздавались вздохи. Подрядчик, сырой и толстый человек средних лет, с болезненным лицом и серыми сощуренными глазами, задумчиво барабанил пальцами по своему животу и разглядывал артель.

– Возьми, сделай милость. Мы те в ножки поклонимся!.. – И мужик стал опускаться книзу.

– Ну, ну! Не надо, – сказал подрядчик, махнув рукой. – Ладно, беру. Всех беру. Полтина в день, харчи ваши...

Мужик почесался и, вздохнув, оглянул свою артель. У нескольких из его товарищей по грустным лицам прошла как бы неуловимая тень, и они тоже вздохнули. Чернобородый мужик крикнул и переступил с ноги на ногу.

– У тебя вон работают на твоих, харчах по шесть гривен... – робко заявил он.

– Ну? – строго спросил подрядчик.

– Ничего... мы бы не хуже...

– Не хуже! Знаю я. Те смоленские, исконные землекопы.

– Больше всё наши как будто...

– Какие это ваши?

– Самарски... пензенски, симб...

– А ты вот что: хошь работать, – иди и становись, а не хошь, – пошёл...

Ну? То-то! Иди... Сколько человек?

– Нас-то? Нас восемнадцать... А трое вон не наши... – мужик кивнул головой в сторону, где стоял я и двое босяков.

Подрядчик поднялся, поглядел на нас, и на его толстом лице появилась злая гримаса.

Щёки и губы дрогнули, он сжал кулак и, подняв его, закричал:

Два босяка. Максим Горький gorkiyamaxim.ru

– Вы опять пришли, дьяволы? Ах ты!.. И скоро ли это вас в каторгу сошлют!

Где лопаты? Где кирки? Воры! Мерзавцы! Ведь кабы время мне, я бы вас усадил в одно место..

Один из босяков, пониже ростом, в рыжей шляпе без полей и бритый, передёрнул плечами и спокойно заявил:

– А ты, Сергейка, не лай.. а то мы тебя прежде к мировому-то сведём за оскорбление словом. Вник? Лопаты!.. Кирки!.. Дура жирная. Ты видел, что мы твои лопаты взяли?

Подрядчик затопал ногами и закричал ещё громче:

– Вон, черти!.. Пшли! Гони их, ребята, всех троих! Гони..

Ребята нерешительно посмотрели на нас и расступились. Другой босяк, в солдатской кепи старого образца, с сивой бородой, широкой и волнистой, и с чёрными, мрачными глазами, проговорил густо и звучно:

– Не дашь работы?

– Пошли! Иди вон!..

– Не ори, Сергейка, лопнешь! – посоветовал бритый. – Идём, Маслов..

Его сивобородый товарищ круто повернулся и, важно покачиваясь, пошёл со двора.

Голодающие торопливо расступались перед его солидной и крупной фигурой.

Он смотрел куда-то вдаль, через и мимо коренастых приволжан.

– Ну, так прощай, Сергейка! Издохнешь ежели до встречи, всё равно – я тебе и на том свете трёпку дам..

Он тоже пошёл со двора, а я отправился за ними, идя сзади их.

Маслов был одет в синюю кретоновую блузу и штаны из бумазеи, а его товарищ – в белую некогда, а теперь серую от грязи, короткую поварскую курточку, надетую прямо на голое тело, и в новенькие клетчатые серые брюки.

– Вот мы, Миша, и опять ни при чём. Не везёт, хвост те на голову! Надо нам из этой дыры вон.. а? – заговорил бритый.

– Пойдём.. Куда? – ответил и спросил товарищ.

– Как куда? Куда хотим. Все пути-дороги нам открыты. Куда желаем, туда и дёрнем. В Астрахань, примерно.. А по дороге на Кубань.. Теперь там скоро молотьяба.

– А по дороге в Архангельск.. Теперь там скоро зима.. Может, и..

– Сдохнем от мороза? Бывает. Но только ты не вскисай. Нехорошо с такой-то бородищей..

– Ничего у нас нет?

– То есть это насчёт еды? Чистота!..

– Как же?

– Не знаю. Надо поискать.. Ежели бог не выдаст, то свинья не съест..

Лучше мы её..

Товарищи замолчали. Бритый шёл, посвистывая и заложив руки за спину. Его товарищ одной рукой гладил бороду, а другую засунул за пояс штанов.

Два босяка. Максим Горький gorkiymaxim.ru

– Серёжка-то расходился как!.. Не может... про лопаты... Вот бы теперь нам лопату! Можно бы ей пятака три-четыре загрести. «Вон!» – говорит... И того выгнал из-за нас... Длинный тут стоял такой, видел ты?

– Вон он сзади идёт... – не оборачиваясь, сказал Маслов.

Без сомнения, и его товарищ знал, что я иду на два шага сзади его; он не мог не слышать стука моей палки по панели и моих шагов, но, очевидно, ему почему-то не нужно было показывать это мне.

– А!.. – воскликнул он, оглядываясь и разом смерив меня подозрительным и пытливым взглядом насмешливых карих глаз. – Что, брат, прогнали? Из-за нас это.

Откуда?

Я сказал откуда.

Бритый пошёл рядом со мной и первым делом бесцеремонно ощупал мою котомку.

– А ведь у тебя есть хлеб! – сделал он открытие. Маслов тоже остановился и тоже недоверчиво смерил меня своими мрачными глазами.

– Есть! – сказал я. – И деньги есть.

– И деньги! – изумился бритый. – Много денег?

– Восемьдесят четыре копейки! – гордо сообщил я.

– Дай мне двугривенный! – решительно сказал Маслов и положил мне на плечо свою мохнатую, тяжёлую руку, не сводя с меня своих глаз, загоревшихся жадным огоньком.

– Давайте пойдём все вместе! – предложил я.

– Идёт! – крикнул бритый. – Аи да ты! Славно!.. Молодец!.. Только вот что скажи мне: деньги у тебя есть, хлеб есть...

– Ещё хохлацкого сала два фунта! – постепенно возвышал я себя в глазах новых знакомых.

Маслов довольно засмеялся и с твёрдой уверенностью сказал:

– Всё съедим, до крошки!

– Дв-ва ф-фунта сала!.. – изумился бритый. – И ты пришёл к Серёжке на работу наниматься со всем этим, а?!.

– Ну? – спросил я, не понимая, в чём дело.

– Да зачем? Ведь у тебя харч есть, деньги есть! Али ты дом каменный хочешь строить? Тьфу!.. Кабы нам столько... Сейчас бы в трактир. Чаю! Бутылку! Калача!..

Тррр!..

Через час от моих капиталов оставалось только одно приятное ощущение живительной теплоты в желудке и лёгонький туман в голове. Мы сидели в закопчённом трактире.

Кругом нас колыхался тяжёлый, опьяняющий шум и облака табачного дыма, а в раскрытые окна мы видели море, синее и блестящее на солнце.

Маслов смотрел на него, а бритый, которого звали Степок, положив локти на стол, разговаривал со мной. Переговорив о многом материальном, мы говорили уже о душе, и Степок развивал предо мной свои взгляды по этому вопросу.

– Я, брат, думаю, что душа бывает разная. Как жизнь на неё дохнёт, – вот в чём дело. Дохнёт ласково, – душа ничего, весёлая, светлая, а ежели дохнёт сентябрём, – душа будет тусклая, дряблая. Человек тут ни при чём. Он что может? Он растёт себе, и душа растёт. вот он, примерно, дорос до двадцати годов... Тут смотри в

Два босяка. Максим Горький gorki.ucoz.ru

оба, коли хочешь сам себе атаманом быть. В это время душа чуткая... как струна. Терпи, значит... не давай ей дребезжать от всякой малости... держи себя в руках. Не сумел – шабаш!

Сейчас тебя или в комок сожмёт, или во все четыре стороны потащит... рвать будет на части... понял? Потому жизнь – как машина, – ходи осторожно... тут – колёсики с крючочками, там – зубчики остренькие, тут разные пудовые тютю летают... Поглядывай, не зевай, а то шкуру изорвёшь и кости изломаешь. А без футляра душе невозможно... как частному приставу без канцелярии.

Закончив таким образным сравнением своё, Степок дёрнул товарища за блузу и обратился к нему:

– Миша! Как же, на Кубань, что ли? Здесь нам не будет фарту, очень уж мы у всех в зубах навязли...

– Идём. Я люблю ходить... – не оборачиваясь, сказал Маслов.

– Зна-аю! Значит, – идём?! Важно! Друг, ты как? Идёшь с нами? – обратился ко мне Степок.

– Я туда и иду.

– Туда? Ну вот, превосходно! Значит, втроём. Ловко! Деньжищ заробим – мешок! И потом у меня там субботница одна черноглазая есть...

– Сектантка? – спросил я.

– Истинно! староверка... замуж вышла, а всё по-старому меня любит...

– А я думал, в самом деле субботница... – сказал я.

– Вот те крест, правда! – побожился Степок. – Всегда она меня по субботам ночевать к себе водит... – И он смеялся.

Маслов всё смотрел в даль моря, облокотясь на подоконник. Волосы у него были длинные, до плеч, и это, вместе с блузой, делало его похожим на художника.

Ещё через час мы уже шагали по дороге к Ялте, решив идти до Керчи берегом.

Когда село солнце, мы остановились на ночёвку, выбрав себе славную нишу в горе, завешенную естественным драпри из зелени кустарников, росших перед входом в эту нишу, как бы специально предназначенную ласковой природой Крыма для ночлегов бродяг. Судя по куче листьев, насланных в ней, и по остаткам костра, мы были тут не первыми гостями.

Степок по дороге наполнил свои карманы яблоками и грушами, и даже, отбежав от нас на полчаса, достал каким-то таинственным способом большую ковригу пшеничного хлеба. Теперь он растянулся под кустами и весело уничтожал яблоки, гримасничая, как обезьяна, что очень шло к его шероховатой, неправильной физиономии, поросшей густой щетиной. Маслов молча собирал сучья. Я недалеко открыл ручей и умывался ледяной водой.

Вокруг нас от деревьев ложились узорчатые тени...

– Ты что, костёр хочешь? – спросил Степок товарища.

– Да...

– Ведь тепло...

– Холодно будет ночью.

– Ну, действуй...

Маслов скрывался и появлялся с громадными охалками мелкого валежника. Вспыхнул костёр. Сырая тьма, наполнявшая наше помещение, дрогнула и густыми тенями стала ползать по камням то вверх, то вниз.

Маслов молчал и улыбался, глядя в костёр.

– Теперь мы вроде как разбойники! – вдруг произнёс он.

Я взглянул на него и изумился. Он гораздо более походил на замечтавшегося ребёнка, чем на разбойника. Его чёрные глаза уже не были мрачны, и хотя были глубоки, но в них светилось только ласковое добродушие и что-то очень печальное. Морщины от улыбки сделали его овальное лицо круглее и сгладили неприятную надутую мину, раньше портившую это лицо, довольно ещё свежее и благообразное, несмотря на отёки под глазами и красные жилки, выступавшие сквозь густой загар кожи щёк.

– Дитяtko! Игрушечки всё... – усмехнулся Степок. – Вот, гляди, Максим, – обратился он ко мне, – душа-то у человека какова может жить!.. Половинка – как снег, а другая – как сажа. Почему? Опять-таки потому, что жизнь по-разному дышит: с этой стороны тепленько, а с той – холодком. И вышел человек сам по себе ребёнок, а при людях – чёрт...

– Пошёл гудеть!.. – недовольно заметил Маслов и отвернулся от костра в сторону.

Сквозь кустарники, закрывавшие вход к нам, видна была узкая полоса каменистой дороги, проходившей мимо них; за дорогой гора круто обрывалась, из-за обрыва смотрели вершины деревьев, уже освещённые луной, а далеко за ними, на горизонте, лежало неподвижное море, блестящее, как стекло...

Речь Степка рождала звучное эхо... Больше не было звуков.

– Разве я что сказал обидное? Ничего. Вот Максим говорит... человек, говорит, должен свою душу беречь... то есть учить... или как там? А я говорю – человек ни при чём в этом деле. Он – как перо: куда ветер дует – там оно и будет. И выходит что? Выходит – наплевать на всё! Знай себе летай веселей, безо всяких соображений.

О чём соображать? Как ни живи – издохнешь. Да и издохнешь-то неизвестно когда, – может, сейчас, а может, завтра. Начальство об этом тебе не объявляет. Было раз со мной, когда я ещё в Москве артельщиком служил...

– Говорил ты про это ведь. Не раз уж... Молчал бы... теперь... Слышишь, как тихо... Лист не дрогнет... – Маслов начал говорить с раздражением, а кончил задумчиво и грустно.

– Лист – пущай. А я хочу про себя заявить, – не унимался Степок, отчего-то всё более возбуждавшийся, тогда как его товарищ становился всё задумчивее и мрачнее.

– Я хочу сказать, что, мол, я тут? Живу и прочее... Миша! Давай, споём песню!

Болгарскую этакую, а? Не могу я видеть тебя в таком духе. У нас, московских, дух лёгкий, и мы у других такой видеть хотим. Что, право! И не пели мы давно...

Споём! Разыгрался бы ты...

Степок вдруг изменил свой весёлый и бойкий тон на просительно-жалобный.

– Петь можно... Это не мешает, – согласился Маслов и, подвинувшись к товарищу, сказал: – Ну, начинай!

– Любимую? – снова встрепенулся Степок. Маслов кивнул головой. Они сидели против меня по другую сторону костра, и их лица то ярко освещались огнём, то исчезали в клубах дыма. Степок встал на колени, потрогал рукой горло, немного закинул голову назад и приставил к глотке палец.

«Эх, да разгони-и...»

– тенорком начал Степок, блеснув на меня глазами. Он часто нажимал пальцем на глотку, и от этого длинные ноты дрожали мелкой трелью.

«Разгони ты, ветер, тучи грозные!..»

– попросил Маслов речитативом и странно качнул головой, как бы не надеясь, что ветер исполнит его просьбу.

«Ты разве-ей...»

– взмахнув рукой в воздухе и плавно поводя ею, продолжал Степок песню. Он повышал голос и приказывал.

«Ты разве-ка грусть-тоску-у мою-у...»

– вытягивал Маслов речитатив, и постепенно слова песни рождали из себя ту заунывную русскую мелодию, прерываемую краткими криками, что всегда заставляет воображение слушающего рисовать погибающего, его безнадёжные жалобы и стоны и последние вспышки угасающей энергии. Маслов пел баритоном, очень густым и гибким; иногда в голосе дребезжало что-то надтреснутое и хриплое, но это не портило песню, а только придавало ей больше задушевности и той простой красоты, которая и есть красота истинная.

«...Чтоб светило ясно солнышко...»

– всё выше поднимался Степок, щуря глаза и краснея от напряжения.

«Чтоб жилось мне, добру молодцу...»

– просил и жаловался Маслов, тоже повышая голос.

«Эх, беззаботно, вольно.. весело!..»

Искусственно вибрировавший голос Степка порвался, а баритон Маслова ещё выводил сильно и красиво:

«Эй, вольно.. весело-о!..»

Степок встал и, взмахнув рукой, залился, крепко зажмурив глаза:

«Эх, да ходят в небе...»

«Тучи грозныя-а...»

– тоскливо подхватил Маслов.

«А тоска изъела сердце мне...»

– Э-э-эх!.. – громко вздохнул Степок, не открывая глаз.

А глаза Маслова были открыты, и он был бледен. Он сидел, вытянув ноги, и, откинув корпус назад, упёрся руками в землю. Выгнутая вперёд грудь высоко поднималась и опускалась, и из раскрытого рта волной пились слова песни, тоскливые, рыдающие... и всё более звучные.

Я смотрел на него, не отрывая глаз, и переживал то странное и сильное ощущение, которое так метко охарактеризовано словами «за сердце берёт».

Голоса товарищей то сливались в одну струю, то звучали каждый отдельно, оттеняя и подчёркивая выразительность другого.

Маслов не шевелился, Степок стоял и раскачивался из стороны в сторону. На его шероховатой физиономии сияло блаженство, а красивое лицо Маслова нервно вздрагивало и, – казалось, – всё более бледнело, точно из груди певца, вместе с голосом, выливалась и кровь. Его тоскливые чёрные глаза смотрели прямо на меня, но я чувствовал, что он не видит ничего – ни меня, ни горы, к которой прислонился... Видно было, что грудь этого человека полным-полна тяжёлой, едкой болью и что песня – единственное лекарство, которое облегчает эту боль. Он в одно время и выпевал свою тоску и почти отпевал себя... Иногда судорога, пробегавшая по его лицу, заставляла меня ожидать, что он сейчас заплачет... и тогда я испытывал желание бежать от этого человека, такого сильного, красивого и замученного до слёз...

Песня рыдала то тише, то сильнее... и с каждой новой нотой всё более становилась похожа на причитание по умершем, а Маслов, опрокидываясь назад, всё круче выгибал грудь, как бы этим желая облегчить исход звукам, переполнявшим его. Степок выделявал удивительные фиоритуры и триоли, постукивая себя пальцем по глотке и, не открывая глаз, из стороны в сторону мотал головой, поводил плечами, взмахивал рукой в воздухе... жил весь в песне.

– Mon dieu! Comme c'est beau! Quelle poesie!.. Feu au montagne et la chanson!.. [1] Это похоже на гномов! Je veux les voir... [2] – затрещал звонкий женский голос.

– Эй! Кто это поёт? Идите сюда! – крикнул барский басок.

Песня оборвалась. Маслов широко открыл рот и тупо посмотрел на дорогу...

Степок вздрогнул, оскалил зубы и зло сощурил глаза.

Сквозь ветви мы видели двух лошадей; на одной из них сидела тоненькая дама в белой вуали, а с другой прыгнул человек в светлом костюме. Он бросил поводья на луку седла и обернулся к даме.

– По-огоди!.. – прошептал Степок и вдруг со всех ног бросился на дорогу, шумя кустами и дико воя:

– Идём-ем... Ваше благородие!!.

– Ай!.. – взвизгнула дама.

– О чёрт!.. Стой!..

Но обе испуганные лошади шарахнулись и помчались... Издали, вместе с топотом, доносился визг дамы.

– Осёл! Лови!.. – закричал барин, замахиваясь на Степка хлыстом.

– Как бы под гору не слетели!.. – уклоняясь от удара, сказал Степок и наклонил голову в сторону шума.

Барин метнулся и побежал туда, высоко вскидывая ноги. Степок захохотал и сел на дорогу.

– Вот так лупит!.. Охо-хо-хо!.. Чёрт его!..

Маслов мрачно и безучастно молчал. Топот коней и бежавшего барина пропал вдаль...

– А ловко я их!.. А, Миша? – и Степок фыркнул. – Вот что нашёл... видишь?

– Он показал товарищу хорошенький хлыстик и обшитый кружевами носовой платок.

Тот молча посмотрел на это.

– Рассыпалась барыня!.. Нет, ка-ак он поскакал-то!.. Ах буйвол чёртов!..

А за эти штучки мы полтину поймаем.

– Брось! ну их... – сказал Маслов, махнув рукой.

– Бросить?! Зачем? Они песню слушали? Ну – и квит! А может, мне бы лучше, не пугая их, попросить у них на чай? а? Ч-чёрт!.. Вот не догадался!..

– Плюнь, Степок – стыдился бы!.. – раздражённо крикнул Маслов.

– Чего стыдиться? На чай-то попросить?! Они песню слушали!

– Молчи ин!.. – И Маслов крепко ругнул товарища. – А то вот двину... – Он сунул в его сторону кулаком и посмотрел на него дикими глазами, сразу налившимися кровью.

– Поехало!.. – Степок скептически свистнул. – Что за барство такое! П-пэ!..

Давно ли это появилось? Что, ты сам не занимался этим?.. В Одессе-то, помнишь, у француза... и вообще... Смехота!

– Стёпка! Брось, молчи!.. Драться буду... – тихо и внушительно заговорил Маслов.

Степок лёг на землю.

– А ты не обижай товарища... – как бы извиняясь, проговорил он.

...Песня исчезла, как сон. И настроение, рождённое ею, исчезло... Костёр чуть пылал. Маслов ломал сучки и задумчиво подбрасывал их в огонь. Скоро захрапел Степок... Я смотрел на море сквозь ветви и в лицо Маслова сквозь дым костра. Море было тихо и пустынно... а Маслов задумчив. Тени от костра бегали по его бороде, щекам и по лбу...

– Ну, ты чего тарачишь на меня глаза? – сухо сказал он мне.

Видно, ему хотелось остаться один на один с самим собой. Я отвернулся и лёг. Ночью, сквозь сон, я слышал тихую песню и, открыв глаза, видел Маслова. Он, всё так же сидя у костра, качал головой и, глядя в огонь, вполголоса пел...

Когда же поутру я проснулся, друзей уже не было. Они, не разбудив меня, ушли и взяли у меня из котомки две мои рубашки, благородно оставив мне третью. Я решил, что они раздумали идти на Кубань, и пожалел об этом.

Порядившись в одной из кубанских станиц на молотьбу, я поехал на телеге в степь вместе с кучей бойких казацких дивчат и моим спутником-грузином. Дивчата пели и болтали. Станица утонула в дали, и кругом нас развернулась широкая степь...

– У барабана стоит кацап... Дьявол такой, что ух! Глазищи чёрные, бородатый, злющий-презлющий!.. Чуть подавальщики опоздают со снопом, как он рывкнет!.. Работает, как огонь... Орёт – труба! И гонит, гонит!.. Машинист лает: «Машину, говорит, портите».

А Тотенко своё: «А ты, говорит, и аренду бы получал, да и машина бы не носилась!»

А кацап ревет: «Гони, давай!» И как ругнётся, так и присядешь!.. – рассказывала одна девица, уже бывшая в степи.

– Все кацапы ругаются здорово... – заметила басом могучая машина с толстущей косой и жирными, красными щеками, с самого выезда со двора уничтожавшая яблоки, которых у неё в подоле было насыпано с добрую меру.

– А некрасивые-то все какие!.. мозглявые, хлипкие!.. – заявила с презрительным сожалением черноволосая юркая и тоненькая змейка.

– Не все!.. – коротко сказала третья, шатенка, с овальным решительным лицом.

Подруги захохотали, глядя на неё.

– Ишь, заступилась за своего!..

Вдали показался дымок.

– Вон она – молотилка, дышит... – сказала шатенка.

– Рада ты, что уж близко? – спросили её.

– А и рада... Всякая была бы рада...

– Добра-то!.. – скептически воскликнула одна из подруг.

– Чай, станичники лучше...

– Кто что любит. Чего много, – то не дорого... – стояла на своём шатенка.

Впереди выросли золотые бугры снопов и за ними чёрная труба молотилки...

Маленькие люди сновали вокруг них, слышался шум, смех и характерный торопливый и жадный стук машины... Туча пыли и половы, мешаясь с дымом из трубы, неподвижно стояла в воздухе, чёрной шапкой покрывая оживлённый оазис в желтоватой пустыне, раскинувшейся во все стороны.

Девки посыпались с телеги, ещё не доехав до места, и побежали к редутам из соломы, расставленным рядом и ослепительно сиявшим на солнце.

– Обед! – крикнули где-то.

Шум машины оборвался. Запылённые и обвешанные соломой люди, иные в больших очках с сетками, направились в одну сторону. Кто-то, подойдя сзади, хлопнул меня по плечу.

– Маслов!..

– Я... Пришёл и ты? Ловко! А мы тогда тово... раздумали было... да вот пришли всё же. Куда ещё идти?!

– И Степок здесь?

– Здесь... в Ханской, вёрст пятнадцать отсюда. Гуляет... Кума у него там есть. Ты снопы подавал когда? Умеешь? Хорошо! Ну, так подавай мне... А то никто не успевает. Худо работают, черти!.. не втягивает их работа. А я не могу... Мне не по душе, коли эта самая машина жрёт и ещё просит. Я всегда хочу ей в глотку столько насовать, чтоб она подавилась... Чтоб и ей, дьяволу, тоже трудно пришлось. Она мнёт, а я ей подсыпаю, я ей подсыпаю!.. на, жри, давься, трещи... Эта здоровая, стерва... тысяч до двенадцати, чай, перебьёт в день-то... А две уж я скормил... Сломались.

Трах! фррр... готово! Стоп! Машинист лает. Хозяин стонет. А мне весело... Ей-богу, весело! Этакую штуку поганую выдумали!.. Наверное, немецкая пасть... Если эта чёртова животины и завтра выстоит, я её угощу!.. Шкворень суну в сноп... Трах! Все зубы сломает... свиньячья челюсть!..

– Ты за что же это их не любишь? – спросил я его, кивая на молотилку.

– Да не знаю... Так... Деревянные они, без всякого смысла, а как бы живые.

Суешь ей в хайло снопы – жрёт, сунь руку – оборвёт, сунь ребёнка – сжамкает. Я бы запретил все машины, кроме, разве, паровых да железнодорожных... Те – ничего, пытит себе, везёт... А все другие – сволочь. Я на одной ткацкой фабрике в Томашеве жил... всякой этой дряни там гибель! Вертится, крутится, стучит... и всё сама делает, а человек при ней дурак дураком... Обида! И чуть что – джик! церть! Готово! Был человек, а остались одни кусочки... Много я видал их!.. А главное дело, звереешь от них. Стоишь, стоишь, и дойдёшь до того, что так вот и хочется зло сделать!..

Без всякой причины, просто так, взял бы, да и разворотил что ни то... изничтожил бы... Так, знаешь, злоба заберёт, что, кажется, малого ребёнка зубами бы загрыз...

Право. От этого самого фабричные и есть все сорванцы да сорви-головы... и убийства от этого.

Мы сидели с ним под копной, уже разобранной наполовину; в ней суетились испуганные мыши-полевки, и вся она звучала шорохом. Маслов был оживлён, и его чёрные глаза ярко блестели. В бороде, усах и бровях у него торчала солома, и от его славной, крупной фигуры веяло чем-то сильным и здоровым.

– Уф!.. – вздохнул он. – Вот люблю в степи работать! Ширь!.. Воздух!.. Люди вот только – мразь... гады. Жадные, – каждый норовит твоей крови напиток, а кой сит, так тот хоть так укусит, ради памяти о себе. У кого нанимался? У хозяина али у хозяйки? Степок у обоих нанялся, сначала – у него, на неделю, за десять рублей,

Два босяка. Максим Горький gorkiymaxim.ru

– рубль задатку взял... Потом ухитрился к ней, – и у ней задаток уткнул, – два рубля, да в ночь из станицы-то и марш! Нарвётся когда-нибудь, – убьют до смерти. А хозяева-то пеняли мне: «Вот, говорит, товарищ-то твой жулик какой!» – «Что ж, мол, не я его жить-то учил...» А оно конечно... свинья Стёпка. А сами они не жулики? Обрадовавшись, что в этом году голодных много, и давай вместо двух рублей в день – восемь да шесть гривен платить! А урожай вон какой!.. На сноп не меньше прошлого-то года, ещё, надо быть, и больше. Так разве им не всё равно за работу отдать и нынче столько же, сколько в прошлом году они отдали? Скареды!.. Хоть бы своими руками работали!..

Видно, Маслов давно ни с кем не говорил и теперь нагонял потерянное, не справляясь, слушаю ли я его, и не глядя на меня.

– Ты чего обедать не идёшь? Не хочешь!.. Харчи здесь, брат, погань одна...

Всё галушки да галушки... точно свиней кормят. А нанимал, так чуть не кур обещал, и она, толстуха его, тоже... «Кормим, говорит, мы важно!..» Мокрица жирная! Глаза, брат, у ней видел? Ага?.. Хороши глаза... так тебя и гладят. И он сам – казак статный.

Ах, и хорош здесь народ! не как у нас в России – выродки да заморыши... Водки не хочешь ли? У меня бутылки с полторы есть. Я четверть взял с собой. Дорога здесь водка. Идём, угощу. Не забыть мне, как ты тогда в Севастополе всё, что было, скормил нам! Ловко это! Нашему брату так и надо. Есть – бери, нет – идём добывать. По-птичьи.

Нет, и не так... потому птица – хозяйка, у неё дом, хозяйство есть... а мы ещё чище... значит, нам ещё крепче друг за друга надо держаться. Много нашего брата, и, смотрю я, с каждым годом больше всё прибывает. В этом году прибыль будет больно велика, тучи народу с земли сорвало... А я спать хочу. Давай поспим, а? А потом встанем и будем кормить антихристово пузо.

Мы легли на кучу соломы и, поговорив ещё немного, крепко заснули.

– Вставай!.. Вставай к барабану!.. Эй!..

Машина уже стучала. Воз снопов стоял готовым у молотилки, другой подъезжал. Маслов живо взобрался к барабану и крикнул мне:

– Давай с возу! Ещё двух девок сюда, развязывать снопы! На воз становись двое! Жи-вво!.. Вали-давай!

Мне попались славные вилы, и я, памятуя желание Маслова, начал сильно и часто кидать девкам снопы. Мой товарищ, какой-то белобрысый вятч, «голодающий», но бойкий и весёлый малый, не желая отставать от меня, сопел и всё норовил сбить снопом которую-нибудь из девок, хватавших дачки прямо с вил.

– Дуёй во всю, детки!.. – возбуждённо покрикивал Маслов.

Взглядывая на него, я видел, как он, чуть не вырывая из рук дивчат развязанные снопы, совал их в барабан, низко наклоняясь над ним и рискуя сунуть туда же свою бороду.

– Давай, давай, давай!.. Торопись, возись, поворачивайся!.. Корми, дьявола!.. – орал он, краснея.

– Тише подавай! Полова затирает!.. – кричал кто-то.

– Сожрёт!.. Сыпь, девки!.. Максим, вилами девок!.. Ворочайся, вы, стряпухи!.. Размахивай рука-ми!..

Четыре девки, забрасываемые снопами, лихорадочно металась, боязливо пододвигая развязанные снопы Маслову. Он загребал хлебные колосья и ровным толстущим слоем спускал в барабан, сверкая чёрными глазами, нахмуренный и кипевший злобой, тою обдуманной, мстительной злобой, которая всегда доходит до цели.

– Ахти!.. – вздыхал вятч, подбрасывая снопы.

Два босяка. Максим Горький gorkiymaxim.ru

Из нашего воза выпрягли лошадь и увели её, подавая нам на телегу снопы с другого воза, поставленного рядом с ней. С меня лил градом пот, но, возбуждаемый криками Маслова, я махал вилами во всю мочь, с головой уходя в этот своеобразно поэтический и дикий процесс кормления деревянного зверя, стонавшего от жадности.

Маслов, красный, потный, с оскаленными зубами, хрипло кричал, не переставая:

– Возись, девки!.. Мокрицы, ползай!.. Засыпай их снопами, ребята!..

Девки и так уже не успевали развязывать...

– солома не идёт... забилась!.. Дьявол! чёрт! тише!.. – кричали откуда-то сзади.

– Молодцы! Водки ставлю.. ведро! Барабанщик, жги!.. Спасибо! Ладно..

Хорошо!.. – кричал казак-хозяин.

– Тише, черти!.. Остановлю машину!.. – кричал машинист.

– Ничего!.. Сожрёт... Действуй, Максимка!.. Вячкой, гни хребет!.. Девки!..

Убью, дьяволицы!!.. – бесился Маслов.

Подо мной ходила телега, и, казалось, – всё кругом колеблется и хочет оторваться от земли. Машина лихорадочно-торопливо щёлкала челюстями и хрипела. Шум оглушал и опьянял. Проклятая машина, действительно, была безжалостна к нам, пожирая снопы с удивительной быстротой. На месте Маслова мне бы тоже захотелось своротить ей жадные челюсти. Высоко подобрав подола, девки на крыше метались, как бешеные, побуждаемые Масловым, а он, до плеч засучив рукава, изогнутый над барабаном, всклокоченный и красный, становился страшен в своем диком вдохновении... И вдруг он низко наклонился и весь дрогнул, точно его сильно дёрнули вниз... Что-то тёплое брызнуло мне на руки и лицо... Вятский тихо крикнул, живо спрыгнул с телеги и куда-то помчался.

Машина лихорадочно грохотала...

– Ба-атюшки!!.. – отвратительно тонко и громко взвизгнула одна девица.

Маслов повозился и замер.

– Ай!.. Остановите машину! – крикнула другая.

– Стой!.. Машинист, стой!!.. – завывали несколько голосов.

Я хотел прыгнуть на крышу молотилки и, оборвавшись, упал на землю. Машина торжествующе заворчала и умолкла... Стало тоскливо-тихо. Люди суетились молча или говоря вполголоса...

– ...Умер?

– ...Ну, разве с этого умрёшь!..

– Стой!.. – крикнул хозяин. – Чего распоряжаешься? Вези прямо его в станицу...

– По жаре-то... Надо завязать бы... Пыль тоже...

– Завяжут бабы...

Маслова спустили сверху. Он был бледен и без памяти. Его несли, держа за голову, за ноги и за правое плечо. Вместо левой руки у него болталась какая-то красная рвань, из которой струйками бежала, капала и брызгала кровь. Между безобразных кусков мяса и прямо из них торчали острые белые куски костей и виднелись жилы...

– Ф-фа!.. – сказал маленький усатый машинист. – Как раскатало!.. и кости вдрызг. Сила, чёрт её...

И, очевидно, довольный работой своего детища, он задумчиво улыбнулся и покачал головой, отходя от Маслова. Он же, бледный до синевы, не шевелился.

– Клади!

Маслова положили на землю.

– Ну-ка, я обвяжу её... – тихо сказала какая-то баба и тут же, при людях, стала раздеваться, сняв сарафан, она спустила и рубашку; потом, не особенно торопясь, надела сарафан и стала разрывать рубашку. – Чистая! Утром надела только. Ей-богу, право! – Она наклонилась над больным и подняла истерзанную руку... – Господи, благослови!

– Напрочь? – открыв глаза, спросил Маслов и отвернулся направо, как бы не желая видеть истерзанную руку.

– Вдребезги рассадило, батюшка. Совсем уж, надо думать, лишишься, – ласково сказала баба.

Маслов спокойно плюнул в сторону.

– Тише, ты! Чай, не чулок выворачиваешь... – заметил он, когда баба стала обвязывать руку.

Я наклонился, чтоб помочь ей.

– Вот что, Максим, – сказал он мне, – сходи ты в Ханскую до Степка, Там, против церкви, казака Макарши дом... Сходи, скажи ему, как вот это... отгрызла, проклятая... Нарвался я... Чай, поди-ко, – цела, дьяволова игрушка, не испортила зубов об мои-то кости... Иди скорее... будь другом! А без него сдохну я тут...

Родной души нет... Иди, а? близко тут.

– Хорошо... прощай, брат! я пойду.

– Не воротись сюда?

– Нет, не ворочусь уж.

– Прощай. Живы будем... – он махнул рукой и улыбнулся... – Увидимся скоро. Пути наши известны... Прощай!

Он ещё улыбнулся мне своими чёрными глазами, в которых давно уже погасло возбуждение и светилась только тоска и боль. Я пошёл к Степку...

В Ханскую я пришёл часов в семь вечера, сразу нашёл хату казака Макарши и вошёл во двор. На колодезном срубе сидела девушка-казачка и плела себе косу.

– Тебе чего? – спросила она.

Я объяснил.

– Иди вон в огород... Да палку брось, а то собаки нарвут...

Я бросил палку и пошёл в огород. Вышли две собаки, понюхали мне ноги и, очевидно, решив, что мной заниматься не стоит, равнодушно ушли в кусты. Впереди раздавался голос Степка:

– Ты говоришь – нельзя? Наплевать – нельзя!.. Ду-рашка-чудашка! мо-ожно!..

Нам всё можно... Ты мне кум? И тебе можно... Ты думаешь – кум, так и нельзя? Да что такое кум? Стучусь я к тебе ночью в хату... так? Кто там? Я, пустите ночевать.

Хорошо!.. Ты говоришь – иди, добрый человек, иди! У меня жена родит, иди! Так? ага!

Я пришёл, жена родила; ты говоришь – будь кумом, потому такое есть поверье... Это...

О ба-а!.. Друг!.. Т-ты!.. Вот так май!.. Птичка божия! Відкіля? – закричал он, увидав меня.

Он сидел в тени, под ветвями черешни, против рыжего казака в одной рубашке, пьяного, нелепо вытаращившего на меня тупые и круглые глаза филина. Перед ними на какой-то пёстрой тряпице стояла баклага вина, лежала груда яблок, варёное мясо и огурцы.

– Макарша! Видишь человека? – толкая меня к казаку, кричал Степок.

– В-вижу! – вздохнул Макарша и почему-то сокрушённо и жалобно заморгал глазами и закачал головой, точно собираясь заплакать.

– Погоди, Степок... – сказал я.

– Видишь?.. – не хотел годить Степок, основательно пихая меня сзади кулаками и коленями. – Ну, так целуй его.. Потому как оба вы горчайшие пьяницы.. значит – братья родные, вот и всё. Ты знаешь, кто он таков, этот человек? И-ди-и ты, чучело!..

Наконец Степок подпихнул меня к казаку, тот расставил руки и вкусно зачмокал губами. Степок наклонил меня, толкнул, и я чикнулся носом в мокрые усы казака, который сейчас же уцепился мне за шею.. Но я вывернулся из его рук.

– Ну, вот! – удовлетворился Степок. – Теперь готово! Теперь, стало быть, друзья! Ты, Макарша, цени его.. знаешь, кто это? Московский купеческий сын! ага-а?..

Пропил че-т-тыре трёхэтажных дома и семь лавок с красным товаром!.. Миллион! понял?

– Понял! Всё пропил.. и допил до штанов!.. – сказал казак и с грустью махнул рукой.

– Ха-ха!.. Это он до штанов пьёт!.. то есть до той поры, что кума стащит с него штаны и тю-тю!.. казаку до шинка нет дорогі! А дома горилки для чоловіка чорт-ма! понял? – объяснил мне Степок.

– Маслов умер, – сказал я, улучив, наконец, минуту. Степок сразу замолчал и с жалкой, недоверчивой улыбкой посмотрел на меня.

– На молотилке его изувечило.. – добавил я.

– Так! Моя правда!! – взвыл Степок и, побледнев, нелепо замахал руками.

– Я ему, дураку, говорил, – берегись, чёрт, не лезь!.. А он своё: «Не люблю, говорит, я их!» Изувечили, значит?.. Казаки?.. Вот эти?.. пьяницы?.. – Степок ткнул пальцем в лоб кума и кстаті уж двинул его в бок ногой. – Эхма!.. Как же теперь?.. Я-то что?..

Где же Маслов?.. Что ты, чёрт деревянный, молчишь?! – вдруг освирепел он, обратясь ко мне. – Говори, как всё это? Ну, сломал он машину, ну? Ну, они его бить... ну?

Он и умер... а? до смерти? Что т-ты, дьявол, молчишь?! – Он сделал страшную рожу и полез на меня с кулаками: – Говори, жердь сухая!!.. Ну?.. Э, чёрт с тобой! Пьян я или нет?

Он вертелся на месте, потирал руки, всплескивал ими, тёр себе лоб, дёргал усы и то бледнел, то краснел. Хмель выходил из его головы. Я не торопился сказать истину, желая знать, в какой мере эффект моего сообщения Степку о смерти товарища зависит от хмеля и сколько от эффекта останется, когда хмель пройдёт. Макарша смотрел то на того, то на другого из нас и вдруг дико заревел..

Степок рассеянно взглянул на него, на меня, на свою лошадь и молча опустил на землю. Я тоже молчал, соображая, что может из этого выйти, и ожидая, когда пары вина совершенно освободят мозги Степка.

– Ты чего ревёшь? – удивлённо спросил он казака. Тот выл и мазал себя по лицу руками.

Два босяка. Максим Горький gorkiymaxim.ru

– Ты чего, рыжий чёрт, ревёшь?! – строго повторил вопрос Степок.

– Чоловік... вмер!.. – сквозь слёзы сказал казак.

– А тебе что за дело? Молчи! Не твой человек. Дурак... Молчи, говорю.

– Буду плакати... Бо жалію... чоловіков, которы вмерли!..

– Я тебе в морду дам!..

Казак плакал и мотал головой.

– Уйдём, Максим! – решительно поднялся с земли Степок. – Идём куда ни то.

Он стоял на ногах твёрдо, и его возбуждение понемногу исчезало. Всё-таки он пока ещё для чего-то поминутно надувал себе щёки и, шумно выпуская воздух, сильно махал руками.

– Тверёз я? а? Чёрт её знает, голова какая! трещит... третий день пью... и ничего не понимаю... Верно это? Умер уж он? Эх, брат, да говори ты!

– Нет, не умер...

Степок остановился и внимательно оглядел меня.

– Ты, друг, так не шути... – внушительно заговорил он и многообещающе повёл плечами, сжимая кулаки. – Не шути!.. А то я из тебя душу вышибу. Вник? А теперь говори по порядку.

Тогда я рассказал ему всё по порядку, и, по мере того как я рассказывал, он приходил в себя. Я кончил. Он задумчиво насупился и молчал. За кустами, недалеко от нас, возился и ворчал пьяный казак:

– Куме! Эй, куме, лядаці собакі пришлі... и поедають усе. Геть!.. Степане!

Хиба ж тобі вже и не треба мяса, що тіи пси... геть!.. Се кумово!.. геть!..

– Та-ак... Значит, машинка ручку ам-ам?! Непорядочно и невесело... Пойти к нему... Надо думать, что теперь ему капут... сгинет вконец. Ах, чёрт вас возьми!..

Иду... в больницу отправили? Ну-ну... Ид-ду. Такочки!.. Ты куда? Дальше? Ну, иди дальше... прощай! Скажи, жалко парня тебе? Жалко... Ххе!.. А мне-то! Пятый год живём душа в душу... Прощай, брат... На Беслан пойдёшь? Ну, увидимся. Спроси там Костьку Игрока. Славный парень... закадышный нам друг, певун... Вор только очень. Скажи ему про Маслова. Кланяться Маслову? Поклонюсь... Н-ну, я сейчас же и тово... куму только надо повидать... куму... А ты идёшь? Ночуй. А, ну иди. Совсем ему руку-то?

Т-те... По плечо... Сжечь бы эту штуку! а? Очень это просто, сунул спички ей в пузо и готово... кстати и хлеб бы весь погорел... а? Ей-богу, погорел бы... близко всё. Ну, вали... иди. Прощай, брат. Я тоже в ночь свистну туда.

Он потускнел и говорил, низко опустив голову. Его короткие фразы падали, как камни, и, сказав что-нибудь, он вскидывал на меня глазами. В них было много такого, что заставило меня убедиться в любви Степка к товарищу. Крепко пожал друг другу руки, мы разошлись.

На Беслане, станции, от которой в то время только что начали прокладывать владикавказо-петровскую линию железной дороги, – я не нашёл Степка.

Справившись о Костьке Игроке, узнал, что сей субъект стащил болты и гайки и посажен за кражу в тюрьму, но что «это ерунда, и Костьке за это ничего не будет».

Сообщив такую приятную весть, рваный и острый человек, рассказавший мне всю суть Костькина деяния, объяснил:

– Ничего не будет! Почему?.. Потому что Костька-то умер в остроге от тифу...

понял?

Я понял и, порадовавшись за Костьку, ушёл через два дня из Беслана в Закавказье.

Прошло с год времени. Приехав в Астрахань из Баку, я, в ожидании парохода вверх по Волге, пошёл бродить по городу и попал на Кутум. Одет я был в длинное клетчатое пальто, с хлястиком назади, совершенно новенькое, имел на голове шляпу, тоже новенькую, и на ногах – калоши, тоже новенькие... Весьма культурный вид... И на носу тёмные очки...

Около бабы, продававшей с лотка подозрительное мясо серого цвета, испускавшее кислый пар, стоял Степок, без шапки, худой, но весёлый, как всегда, с ляжкой на спине, крюком в руке, и отправлял в рот крупные ароматические куски её товара, расплачиваясь с ней покуда прибаутками. Сначала я не решался подойти к нему, стыдясь своей культурности... но поборол себя и подошёл, предварительно сняв очки и спрятав их в карман.

– Степок!..

– Э... Ба... гля!.. Тю-тю-тю!.. фрр!.. В рот те ноги прямо пятками! С чего это тебя так взъерепенило?! Ваше благородие! Подайте товарищу пятак на хлеб и два на выпивку!..

И он, мстительно и дерзко сощурился, одной рукой сделал под козырёк, а другую протянул мне вверх ладонью.

После такого приветствия моё культурное пальто не могло не покраснеть, калоши потемнели, шляпа съёжилась, и всё это вместе вдруг стало мне узко, тесно и тяжело... Степок отнял руки и подмигнул:

– Сколько цапнул? тыщу? Больше! Сказывай где, и я туда пойду. Вот так диковинка, Ивановна! – обратился он к торговке, с диким любопытством вытаращившей на меня чёрные круглые и выпуклые рачьи глаза, – Товарищ ведь! Верь господу, который нас вместе рядом видел, как мы по разным местам гуляли и прочее этакое... Холеру мне в кишки, коли вру! Спроси его, сам скажет! И... Эдакий... а!.. – Степок, подавленный комическим удивлением, сел предо мной на корточки. – Господин! Как мне по одной земле с вами ходить? На руках буду для отлички...

Я сказал Степку несколько тёплых и укоризненных слов и пригласил его в трактир; но это не произвело на него никакого впечатления.

– Ивановна! Вникай! иду в трактир... Пью шампанское и ем... жареных соловьёв!

Ива-ановна!!.. – на весь Кутум заорал Степок, перекувыркнулся на земле и – о подлец!

– смазал своими лаптищами пёстрые полы моего культурного пальто...

Я чувствовал себя наинелепейше... Кругом нас собиралась толпа.

– Идём, Степок, коли хочешь! – сурово сказал я.

– Слушаю, вашеблагоррр... – и он поскакал рядом со мной, сняв шляпу и гордо оглядываясь по сторонам.

О, он тонко умел мстить и на пространстве десяти сажен до дверей трактира заставил меня почувствовать столько неприятного, сколько его не встретишь на добрых пяти верстах. Но вот двери трактира затворились за нами. Я сел за стол и спросил:

– Чаю хочешь?

Он вдруг нахмурился и подозрительно оглянул меня.

– Или водки?

– А что ты... – начал Степок, но оборвался.

Два босяка. Максим Горький gorkiymaxim.ru

– Ну? – спросил я.

– Дай мне рубль... я уйду... – глухо сказал он.

Но я уговорил его остаться и спросил о Маслове. Он посмотрел на меня и вдруг улыбнулся знакомой мне улыбкой, подавшей надежду на то, что мы сойдёмся и он не станет издеваться надо мной.

– Помнишь разве Маслова? Ишь!.. Умер Маслов... Антонов огонь сжёг его. Умер...

Зарыли всего в чёрных пятнах, точно он с печной трубой обнимался. Умер! Эх ты!

Вот так парень был он... для меня... н-да! Ду-уша!

Он снова замолчал и как-то отупел на минуту, потух, сжался... Принесли чай и водку. Степок посмотрел на это и снова улыбнулся, но уже скептически.

– Ну-ка, скажи, как разбогател... Интересно...

Тогда я рассказал ему. Он слушал внимательно и молча. Я кончил.

– Так!.. Значит... что же? Не по природе ты босяком-то был... а так, из любопытства?..

– Да...

– Ишь ты? Тоже любопытство... А теперь назад... не понравилось? Л-ловко сделано!..

– Я ещё хочу походить.

– Н-ну... не знаю... Значит, просто ты... походишь, и всё?..

– А что же?

– Ничего... Так я... – он покусал ус. – Без всякой задачи, значит... походил и домой? На печку?..

– Нет, задача была. Хотел узнать, что за люди...

– Зачем?

– Чтобы знать...

– Д-да!.. Больше ничего? Просто посмотрел, и всё тут?

– Может, опишу... в газете.

– В газете?! А кому это нужно... знать про это? Или это так, для похвалки, – вот, мол, как я могу?!

Малый бил метко, надо отдать ему справедливость. Малый знал человеческую душу и – скажу по совести – весьма смущал меня своим вопросом.

– Нет, вообще... чтобы люди знали.

– Про нас?! – Степок широко улыбнулся и ехидно поднял брови.

– Про вас...

– Тэк!.. Так!.. трататак!..

Он встал и посмотрел на меня зло сощуренными глазами.

– Знаешь ли что, Максим? – спросил он.

– Что?

– Оч-чень это подлость большая! – выразительно произнёс он, погрозил мне кулаком

Два босяка. Максим Горький gorkiymaxim.ru
и, не простясь, ушёл.

Я сидел и смотрел на чайные приборы, бутылку с водкой... Смотрел и думал о том, за что меня Степок ругал? Прав он или нет?

– Давай рубль! – сунул он руку в окно.

Я дал.

– Ффу!.. Богат, видно, очень – целых три!.. Уррр! А ты в помойные ямы не лазаешь из любопытства? а?

– Нет.

– Жаль!.. я бы тебе помог! В самую глубокую сунул бы!

И он скрылся.

Примечания

1 О боже, как это красиво! Какая поэзия! Огонь на горе и песня! (Ред.)

2 я хочу их видеть... (Ред.)

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!